

Зверства киевского режима в г. Курахово

Москва, 2025 г.

Международный общественный трибунал по преступлениям украинских неонацистов создан первого марта 2022 года в ходе международной конференции по инициативе российских и зарубежных правозащитников, юристов и журналистов. В настоящее время в него вошли представители гражданского общества 33 стран мира (США, Канада, Германия, Франция, Испания, Польша, Индия, Аргентина, Италия, Австралия, Израиль, Сербия и др.). Основная задача Международного общественного трибунала – сбор свидетельств о преступлениях киевского неонацистского режима, передача их в правоохранительные органы и представление информации о них на российских и международных площадках.

После бегства Вооруженных сил Украины из г. Курахово Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов проведен опрос мирных жителей.

Горожане вспоминают, как с 2014 года разворачивался украинский террор против русскоязычного населения.

Д.А. Довгоброд рассказывает, как жители страдали от украинских неонацистских образований: «Это был 2014-2015 год. Тогда у нас были украинские Днепр-1, Киев-1, Азов, Айдар.

По городу люди с работы шли их останавливали и мордой в пол. Если кто-то начинал что-то возмущаться, его забирали, вывозили, избивали...

У меня друг с дочкой шел дочку с садика забирал: машина, вылезли трое, под руки его, он говорит, что с дочкой. А они: «Она уже взрослая, сама дойдет до дома». Ей пять, шесть, наверное, было, она в садик ещё ходила. А его в машину вкинули и увезли. Ну, его избили, часа через три он домой еле живой дополз».

В соответствии с практикой киевского режима преступления со стороны украинских военных по отношению к горожанам были абсолютно безнаказанны.

В.Н. Ковтун рассказывает: «В 2022 году я ехал на легковой машине... мою машину сбили украинским танком. Но машина живая не осталась, и меня поуродовали. Я потерял палец, разбили ключицу, шрам у меня... Но украинская полиция все сделала против меня, что я сделал диверсию и как бы, что я наехал на танк. И за это хотели еще дать мне два года тюрьмы. 800 килограмм «Жигули» и 60 тонн танк, ну, какая диверсия может быть? Экипажу танка ничего не было».

Так же, как и в других населенных пунктах под контролем Украины, украинские военнослужащие в 2024-2025 гг. убивали мирное русскоязычное население как с помощью стрелкового оружия, так и с помощью ударов дронами.

В.Г. Лечная рассказывает об убийстве ее детей: «... дверь открыли, а дети на полу были расстреляны... Парень подходил, рассказал, что украинцы ехали и с танков эти падлы всех расстреляли... Дочь так ждала русских, мы с ней даже флаг пошили в 2020 году».

Жительница города М.С. Грицай рассказывает, как ее сын умер у нее на руках, застреленный снайпером: «И тут украинский снайпер. Пуля в щеку попала и вышла в шею и с правой стороны в ребра, в легкие и вышла на спине... Сын умирал у меня на руках час. Он долго умирал и истекал кровью. У моей знакомой, она живет на Ангельса, украинский дрон прилетел, и вся семья убита – 4 человека».

А.В. Мачула свидетельствует, как в его доме военнослужащие ВСУ убили инвалида третьей группы: «На первом этаже нашего дома жил инвалид третьей группы, Самохвал

Николай Иванович, 57 лет. Пришла группа поддержки ВСУ и убили его... Я так понимаю, что это был удар прикладом автомата».

В.Н. Ковтун рассказывает, как украинцы застрелили его соседа, а ему прострелили руки: «Пришел к нам Битнер Андрей... Украинский военный расстрелял его документы и прострелил мне два раза руку... Потеря крови была большая. А украинские военные застрелили Андрея».

Жительница города Н.Н. Андреевская рассказывает, как украинские военные открыли по ней вместе с соседкой огонь: «... мы шли от 10-го дома, а украинские военные с 7-го дома стреляли... Подруга побежала под дом и ногу ей пулей ранило».

Особенно много жителей города было убито и ранено от ударов украинских дронов, при этом использовались как сбросы разнообразных взрывчатых устройств, так и удары дрон-камикадзе.

В.В. Мезенцев рассказывает о трагической судьбе семьи Матюхиных: «Сын соседей Сергей мне рассказал, как его отец Леонид поднялся на чердак, и сбросили с украинского дрона бомбу или гранату.

Его ранило, и в скором времени он скончался... Жена Леонида лежала, неходящая она была, инсульт, и он за ней ухаживал. Она от этого пережитого всего скончалась через неделю. А сын тоже в скором времени, тоже сбросили на него с дрона здесь по соседству... Всю семью во дворе похоронили, всех троих – семья Матюхиных».

А.В. Гаевой рассказывает об украинской атаке на его жену, которая была ранена, а ее соседка убита: «От украинских военных одни страдания... Супругу мою ранили. Ну, был сброс с украинского дрона... Говорю, а Оля-то, соседка, как-то?... Я пошел, а она уже отходила».

А.И. Вовк рассказывает, как украинцы убивали жителей города с помощью дронов: «Украинские дроны били по пенсионерам. Он зависает, а мы на мангале готовим. Света у нас нет.

Воды у нас нет. Жарим, варим... Зависает дрон, сбрасывает... я думаю, мы же пенсионеры, зачем пенсионеров убивать?... На улице Чапаева там столько раненых и убитых людей».

В нарушение Женевских конвенций Вооруженные силы Украины обстреливали храм, дома мирных жителей, инфраструктуру обеспечения населения, места скопления людей. При этом украинские военные не скрывали своей ненависти к православию и стремления к уничтожению православных храмов.

Л.С. Фурсова свидетельствует: «С украинским военным разговаривали за храм. Я говорю, а вы видели, какой у нас храм красивый? А он говорит, а он украинский?

Я говорю, нет, он российский. Он говорит: «А, тогда его надо взорвать». И нецензурными словами».

Отец Иоанн Карпенко рассказывает, как в соответствии со своими ненавистническими взглядами, ВСУ уничтожали православный храм: «Сейчас купола побитые с западной стороны т. е. украинцы обстреливали церковь. Вы видели, я думаю, отверстие в стене. Говорят, танк бил...

В конце ноября сбросом ранило отца и еще одного парня, которые вместе на велосипеде ехали, причащали уже умирающую женщину.

Отцу две ноги и две руки повредило ... очень много дронов было. А с украинских дронов сбрасывали, там три могилы есть возле храма».

Л.С. Андреева была ранена во время украинского обстрела больницы города, а ТЭЦ постоянно подвергалась этим ударам: «6 января 2023 года была на рабочем месте, я работаю в хирургическом отделении Кураковской городской больницы.

Был минометный обстрел, и я получила ранение осколочное. У меня ранение легкого, желудка, пищевода и селезенки, которые удалили... и по станции, мне кажется, тоже для того били, чтобы мы три года сидели без отопления». И.В. Иванов рассказывает, что постоянным украинским ударам подвергались источники воды: «Украинские солдаты колонку с водой качественно обстреливали. Прилеты были и возле дома, и вот по дороге. Были ранения у людей. Такую же колонку на нижней улице уничтожил украинский миномет».

Жители города прямо рассказывают о том, что военнослужащие ВСУ точно знали о намечавшихся украинских обстрелах. Наличие прессы в населенном пункте также было общеизвестным знаком потенциального обстрела.

Е.Т. Грицай свидетельствует: «В магазине было: мы работаем, пробегает украинский военный, ну, вот эти ТЦКшники: «Девочки, спрячьтесь, пожалуйста». Ну, где мы прятались? Мы в туалет ходили. Он говорит: «Спрячьтесь, пожалуйста, будет обстрел» и «Как пресса в городе, значит ждем обстрел».

И.В. Коростылев рассказывает о том, что украинская пресса заранее знала об обстрелах: «В дом прилетало 3 марта 2024 года. Лермонтова, 13. А супруга недалеко работает в «Колбас-маркет». Она через 5 минут бежит посмотреть, что там, а репортеры снимают. Люди рассказывают, что они за углом стояли, ждали этого взрыва. Украинские... Если ты через три минуты приехал, откуда бы ты знал, что больше не прилетит? Это мы бежим, что дом нам надо посмотреть. А ты же пришел и снимаешь. Значит, ты знал, что больше не прилетит и что именно сюда прилетит».

Многие из жителей города открыто говорят о том, что о будущих обстрелах знали и руководители города.

Т.С. Андреева рассказывает: «По слухам, существовал чат для избранных мира сего и там сообщалось, где, в какой области города будет обстрел ... И, естественно, в этих областях города на тот момент не было ни одного украинского солдата и ни одного из верхушки города».

С.К. Андреев подчеркивает, что источник обстрелов был прекрасно известен жителям города: «Знакомые возвращались уже в комендантский час домой и видели, что украинское подразделение стояло возле танка, а командир давал им задачу. Три выстрела по городу, два по Кураховской ТЭС».

Житель города А.В. Мачула рассказывает, как ВСУ не выпускали жителей из дома и прикрывались ими: «Они пришли 19 декабря 2024, где-то примерно в районе 12 часов дня и нас закрыли снаружи на ключ. Прикрывались нами как щитом. Это я утверждаю. Я им сказал: «Что же вы творите, ребята? Так же нельзя»... А украинцы нас закрыли. Трое суток вообще не выпускали нас абсолютно никуда.

Многие из украинских военных прямо говорили мирным жителям, что в случае отхода «камень на камне не оставят».

В.Н. Грицай рассказывает об их методах: «Меня украинские военные схватили ... Сказали: «Сейчас отвезем на элеватор, за ноги подвесим, все скажешь». Ну, как бы по ребрам не надавали, вроде как обошлось. Заходят к нам, все синие, в наколках, чубатые.

Заходит один и говорит: «Будем уходить, камень на камень не оставим». Прямо прямым текстом. Никакого смущения. И гранаты людям бросали в отдушник».

Так же, как и в других населенных пунктах киевский режим убивал мирных граждан при попытке эвакуации в сторону освобожденных Россией территорий.

В.В Колесник свидетельствует: «Люди ночью хотели в безопасное место перебежать в село Красное. Они рассказывали, что их порасстреливали, дронами поразбивали, то есть людей уничтожили. Они в сторону Донецка, то есть к российским войскам шли... Получается, эти враги нацистские – украинские военные обстреливали их, не давали им добежать».

Украинские военнослужащие не скрывали своей ненависти к русскоязычным горожанам и прямо говорили, что готовы их убивать.

Л.С. Фурсова вспоминает: «Я один раз зашла в магазин, и стоит украинский военный ... А украинский военный: «Я с Киева, я приехал вас убивать». Я говорю, Господи, кого убивать? А он: «Вас, усих, всех».

С.И. Черныш вспоминает о поведении украинского военного с позывным «Малибу»: «Он видел, слышал, что я по-русски разговаривала и меня ненавидел. Он прямо мне говорил: «Чтоб вы повыздыхали». Ну, и такие нехорошие, нецензурные слова. И плевал в мою сторону».

Жительница города М.С. Грицай рассуждает о природе ненависти украинских военнослужащих к русским: «Они спрашивали, почему мы не выезжаем. А раз мы не выезжаем, значит, мы русский мир ждем, значит, мы ждуны, сепары, и нас тут убить пора. Прямым текстом так и говорили».

Житель города И.Г. Чумак приводит конкретный случай атаки украинского дрона и прямо говорит о том, что украинцы хотят нанести максимальный урон жителям: «Украинские войска хотят максимальный урон нанести местным жителям, которые здесь остались. Они считают, остались здесь ждуны, значит, ждут русский мир. Вот скорее всего именно поэтому, чтобы максимально навредить местному населению».

А. А. Мачула свидетельствует: «Они прямо открыто ненависть свою показывают. Бьют по мирным, чтобы мы меньше рассказывали о том, что они творили. Украинские военные считали, что тех, кто остался здесь, это уже сепаратисты, это уже не Украина. Говорили нам: «Вы что, ждете трехколеровых? Трехцветных ждете? Русскую армию?»

IV Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 года определяет необходимость предоставления защиты по отношению к гражданским лицам. С этой целью «всегда и всюду будут запрещаться посягательства на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности, всякие виды убийства».

Представленные в данном докладе свидетельские показания в полной мере изобличают киевский режим в системных и целенаправленных убийствах русскоязычных жителей города, включая женщин и стариков, из стрелкового оружия и с помощью беспилотных летальных аппаратов – как с использованием дронов-«камикадзе», так и сбросов разнообразных взрывчатых устройств с дронов, а также в намеренном уничтожении домов мирных граждан и гражданской инфраструктуры города, что является военными преступлениями, не имеющими срока давности.

Приведенные ниже данные являются дословными и неадаптированными свидетельствами жителей г. Курахово.

1

**Грицай Марина Семеновна,
пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Курахово**

«23 декабря 2024 года, примерно в 12, может быть, пол первого, днем. У нас под окном взорвался украинский дрон, выбило окна.

Сын подскочил, подошел к окну, посмотреть, как можно удобнее забить окна, потому что зима, буржуйка. И тут украинский снайпер.

Пуля в щеку ему попала и вышла в шее и с правой стороны в ребра, в легкие и вышла на спине. Я так понимаю, пуля еще прошла через позвоночник и спинной мозг, потому что на воротнике были и остатки кости, и как мозг спинной. Было два выстрела. Но мы сами выстрелы не слышали.

Мы находились в этой же квартире, в коридоре. И вот он, к несчастью, поспешил к окну. Сын умирал у меня на руках час. Он долго умирал и истекал кровью. Белошапка Марк

Сергеевич, 31 год, 19 апреля 1993 года рождения.

Три года он прятался от военкомата, не выходил из квартиры, чтобы не призвали, потому что мы категорически против Украины, мы только за Советский Союз и Россию. Категорически против Украины.

У моей знакомой, она живет на Энгельса, украинский дрон прилетел. Частные дома, во двор прилетел, и вся семья убита – 4 человека. Украинский дрон, и погибла вся семья. И перед этим убила сотрудницу нашу. Как раз тоже напротив того же дома. Тоже дрон.

А по адресу Южный, д.1 в подвале жила семья, муж, жена и мать. ВСУ подперли дверь в подвале, и люди не могли выйти. И там был пожар.

Люди чуть не сгорели, уже задохнулись. Подперли дверь украинцы, прикрывались ими. Просто они вот такие люди, или, может быть, не люди вовсе, потому что прикрываться людьми в подвале...

Они спрашивали, почему мы не выезжаем. А раз мы не выезжаем, значит, мы русский мир ждем, значит, мы ждуны, сепары, и нас тут убить пора. Прямым текстом так и говорили.

Поэтому мы старались очень аккуратно везде общаться, лишний раз рот не открывать. Я поэтому старалась с ними как можно меньше контактировать и вообще старалась, если можно, просто не общаться, отойти на другую сторону улицы, потому что я боялась, что спросят, где мой сын.

Вы знаете, я не знаю, откуда у украинцев такая ненависть. Я не понимаю. Я родилась и выросла в Советском Союзе. У нас никто не спрашивал, какая национальность и какое вероисповедание. У нас в институте учились и негры из Африки, и арабы, и мусульмане, и евреи, кто хочешь. Это просто было все равно.

Мы все люди. Почему здесь такая ненависть? Я лично понять не могу. Я не могу предположить, почему к нам такая ненависть.

Честно говоря, когда я мимо украинских солдат проходила по улице, я задерживала дыхание. Мне противно было с ними дышать одним воздухом, я старалась, когда иду мимо, даже не дышать. Пройду и потом уже вдыхаю».

2

**Андреев Сергей Константинович (70 лет),
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Курахово**

«Когда начинались украинские обстрелы, мы, конечно, очень страдали от этого. Были многие ранены, были убиты.

Знакомые возвращались уже в комендантский час домой и видели, что украинское подразделение стояло возле танка, а командир давал им задачу. Три выстрела по городу, два по Кураховской ТЭС.

Наши работники ТЭС старались всячески дать тепло в город, электричество. А украинцы препятствовали.

Наш мэр по фамилии Падун работал на ТЭЦ и знал куда можно направить обстрел миномета, где будет самое болезненное попадание, чтобы более длительное время было восстанавливаться.

И украинские военные поэтому четко стреляли по трансформаторной подстанции. Как только труба у ТЭЦ задымила, начинается обстрел. Это первый признак того, что люди восстановили работоспособность ТЭЦ и начали запускать агрегаты для того, чтобы дать тепло и электричество.

Мэр Падун знал, куда нужно попасть. И по слухам, даже давал указания директору, у нас как раз в этот период сменилось несколько директоров ТЭС, чтобы прекратили подачу тепла, законсервировал оборудование и эвакуировал людей всех рабочих.

И много было во время обстрелов завалов, люди там оставались под этими завалами. И ранений много было, и осколочных ранений.

Таким же образом пострадал директор лица нашего. Был прилет, и как раз она находилась у себя дома. И на кухне взрывной волной вырвала часть окна и этой частью её убило.

Как только происходил обстрел, то никто из украинских военных почему-то не страдал. Они заранее были предупреждены, а страдали только мирные люди.

Много ранений было. На день рождения младшей дочери был прилёт рядом здесь. Убило женщину и тяжело ранила вторую

Просто сидели люди на лавочке. Украинский обстрел.

А потом уже здесь начали дроны, дронов было столько, что казалось, что пчелиный рой. И настолько было все это шумно, и они сами падали, взрывались и сбрасывали. И вот наша квартира пострадала. Это так называемый дрон «Баба-Яга».

У нас пятый этаж, в квартире потолка в общем-то, в одной комнате нет. Украинский дрон «Баба-Яга» – это один из крупных. А мы научились уже как-то прятаться все время.

Сюда к нам в подвал украинские войска не дошли, а в соседнем доме были и даже брали людей в заложники.

Люди сидели в подвале, они их выгоняли на первый, второй этаж, чтобы ими прикрываться.

Это я слышал из разговоров со своим знакомым, который в том подвале был».

3

Андреева Татьяна Сергеевна,
пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Курахово

«Украинская власть относилась к нам плохо. Мои знакомые жили в квартире в микрорайоне Южный. Когда были обстрелы в 2023 году, они прятались в подвальных помещениях, в подвалах высотных домов. Обстрелы, естественно, были со стороны украинских войск, потому что россиян здесь не было и поблизости. Но когда ВСУ решили, что там им будет безопаснее, мирных жителей начали выгонять под дулом автоматов. Украинским обстрелом была убита директор Кураховского лицея «Престиж» Инна Владимировна Паренцева. Она погибла 21 сентября, когда был массированный обстрел города. Россияне ещё находились в районе Марынки, может быть, даже дальше. И взрывной волной вырвало оконное перекрытие, оконную раму, и этим окном убило её. Первыми её нашли почему-то мэр города с

«Белыми ангелами», они первые почему-то прибыли на место происшествия. Они знали, что будет обстрел. И было очень интересно, откуда они об этом узнали. И приехали именно по месту.

По слухам, существовал чат для избранных мира сего, и там сообщалось, где, в какой области города будет обстрел, и где в какой области будут прилеты. И, естественно, в этих областях города на тот момент не было ни одного украинского солдата и ни одного из верхушки города. За 10 минут до обстрела мои знакомые, которые проживают в домах, возле которых были прилёты, слышали, как украинские военные убегали от этих мест подальше. То есть они экстренно эвакуировались. И в местах прилетов ни одного украинского солдата не пострадало от украинских обстрелов».

4

Андреева Людмила Сергеевна,
пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Курахово

«6 января 2023 года была на рабочем месте, я работаю в хирургическом отделении Кураховской городской больницы. Был минометный обстрел, и я получила ранение осколочное. У меня ранение легкого, желудка, пищевода и селезенки, которые удалили.

Здесь российских войск не было. И минометы точно не добивали российские. У нас даже дети знали, что это украинские миномёты стреляют и слышали свист мин.

Как мне сказали врачи, мне повезло, что я была в больнице, потому что если бы я была на улице, меня просто бы не довели.

Украинцы стреляли, чтобы люди выезжали отсюда. Выгоняли просто людей отсюда. И по станции, мне кажется, тоже для этого били, чтобы мы три года сидели без отопления.

Говорили, что как у верхушки власти был такой чат, в котором предупреждали, когда будут обстрелы.

Мэр города постоянно был за то, чтобы люди выезжали. Когда был обстрел и горело у нас общежитие, то люди повыскакивали, смотрели на то, как горят их квартиры. Мэр приехал и начал на них кричать матом, чтобы они убирались отсюда. Люди были вообще в шоке от того, как власть может так относиться к ним. Такими словами людей называть».

5 Вовк Александр Иванович, 75 лет, пострадавший от преступлений ВСУ в г. Курахово

«Школа была одним из центральных мест, где выдавали гуманитарку. Там сбивалось столько народа. И, что и самое интересное, давали гуманитарку. Давали, давали, потом резко вывезли все и на следующий день прилет. Вот что удивило всех в этом городе. Как это так? Все знали, значит, получается. Все были подготовлены. Это всех поразило. Давали почти полгорода, собирались люди, получали гуманитарку и буквально на следующий день резко вывезли. Ну, так же ж не бывает по логике вещей. Вот то, что это было в сентябре. А потом еще один прилет был окончательный. Направление стрельбы было направление со стороны украинцев.

Украинские дроны били по пенсионерам. Он зависает, а мы на мангале готовим. Света у нас нет. Воды у нас нет. Жарим, варим. Короче, надо было выживать. Зависает дрон, сбрасывает. В шоке все. Ну, пенсионеры собрались, и прямо вот сюда вот сбросил, вот три метра отсюда. Висит дрон над нами, и я думаю, мы же пенсионеры, зачем пенсионеров убивать? Они же платили всю жизнь налоги. Проходит буквально три недели, мы как-то успокоились, и прилетает еще один. Сюда еще один прилет был. Посекло тут всех. Просто чудо, что мы еще живы. Поранило осколками украинских дронов людей.

Мы уже научились, какой звук, если он груженный идет, он вое, ему тяжело везти этот груз. Где-то сбросил, потом пролетел. Видно, как работает. Мы уже научились по звуку, по направлению. Как-то научились. Война всему научит. Но самое страшное у нас был другой прилет. Это вообще шок был. Тут весь дом с ума сходил, весь квартал. Поставили миномет, дрон зависает и начинает шмонать по городу. Вот прилет, пожалуйста. Украинская мина пролетела, вы видите по деревьям, она посекала все здесь, посекала все деревья, посекала сарайчики эти.

А миномет они ставили на погребках вот здесь, за этим вот домом. И вот дрон висит и команды дает, и тут мочат по нам. Зачем пенсионера убивать? Вот до сих пор я не могу понять. Осколки вы видите на стенах. Вот они, стены, посеченные все. И вы видите, все окна повывлетали из всего этого подъезда.

Сидит с нами пенсионер с инсультом, он не ходит, с одной ногой. Толя пришел покурить тут, сидит, рассказывает новости. Я за мангалом тут готовлю.

Я говорю, Толя, иди ко мне сюда, попробуй, подсолил или не подсолил этот самый борщ. На улице Чапаева там столько раненых и убитых людей».

6

**Глуханич Николай Васильевич, 65 лет,
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Курахово**

«19 декабря 2024 я выходил, высыпал мусор и по дороге хотел несколько еще дров в обломках дерева подобрать. И украинцы сбросили на меня дрон возле второго подъезда, где мусор в стороне, вот у нас за этим домом.

Во мне пять осколков. На виске, вот на руке сильно еще след остался, на бедре. Где висок, у меня тоже вот это хорошо видно. Если хотите, я вам вот сниму, покажу, как разорвало плечо.

Я в этом ватнике был, в этой телогрейке. Вот это оно разорвало. Оно так снизу вверх и шло. И вот в этот висок, представляете, два сантиметра от глаза или сколько там. Порвало капюшон, порвало это, и все оно болезненно было. Еще вот это здесь в голени, в ноге. В общем, пять осколков. Такие они небольшие. Так стрельнули один раз. Я уже заскочил подъезд и потом второй раз, тот сброс был сильнее. То

есть добивали.

А в другой раз перед этим равнял двери, в этом подъезде я живу. И на звук я среагировал. Как дало, ну хорошо тоже сел в подъезд. По руке это самое, сильнейший, ну дробинкой какой-то. Сильнейший такой, как после удара. Очень-очень болезненное, такое оно все. Да.

Они знали, что гражданские живут, знали, что гражданские, видели, что мы старались здесь возле дома убирать, то есть наблюдали за нами очень хорошо. И били именно. Знали, что гражданские.

Передо мной пострадала семья Тереховых. Ну, они пошли за водой или за дровами, и сын сначала пошел, часов в девять утра. Мне кажется, он за водой ходил, тогда был морозец, это 15 декабря было, он не смог набрать. Мы в водосливе набирали воду, ближе было и безопаснее. А он, наверное, пошел на базу, там были запасы бутилированной воды. И потом мать ходит, его нету и нету, нету и нету, пойду искать.

Я на четвертом этаже живу, слышу, кричит, люди, помогите. И она ползет там, вот эта аллея за банком, она ползет, перекачивается, Боже мой. Ушел, начал искать людей, там с того дома мужчина помог, и здесь один. Нашли покрывало, вытащили ее, потом смотрим, и Сергей, это сын ее, ползет. У нее было ранение в поясницу и, по-моему, в правое, в правое, ну как сказать, выше колена, как это сейчас называется? А у сына это самое, правая голень, открытый перелом. Открытый перелом страшный. Да, страшный, кость выскочила.

Она пошла искать его часа через два, через три. И они сами вот это ползли, перекачивались, то есть где-то полкилометра они вот так добивались. Мы их протянули там 100-150 метров, то есть совсем немного. Ну, с переломом мы только наложили шины. Это декабрь месяц.

Дрон знал, что здесь живут только гражданские. Нехорошо, плохо. Украинцы добивали своих. Потом начали по дому стрелять же по нашему. Вот окна разбиты, только подлатал окна. Летело со стороны Дачного, там, где Украина стояла.

Дострелялись они до того, что пролетел какой-то снаряд, такой, ну, не знаю, как он называется, у меня от него гильза осталась. Он влетел в комнату, разбил это самое, 7 дырок

сквозных в кухне, потом пробивал ванну, кладовку, потом в зал заскочил. И дырок 30 таких, где сквозные, а где не сквозные.

Возле храма один парень молодой пострадал. Он месяц лежал в подвале. Тоже под украинский дрон попал, ходил там или за водой, или там кормили людей в подвале храма. И он лежал месяц в подвале. Он в подвале жил и возле храма погиб, где-то он там и похоронен, Виктор его звали.

Другие на Энгельса жили, и какой-то у них конфликт с украинскими военными произошел. Чего вы тут из города не уходите? И их просто застрелили так. По-моему, пенсионеры, мужчина и женщина. Ну, может быть, предпенсионный такой небольшой. Именно украинские застрелили.

Жил один человек, тоже конфликт какой-то с украинскими военными произошел, ему кинули под ногу гранату. Фамилия Осипович, на Южном, так мне рассказывали. Ну, 45, может, такого года.

Я хотел на Рождество в храм попасть. Украинцы с дронов как зарядами, как минами по нам, с дронов высматривают, и как минами. Просто я не мог даже на Рождество в церковь сходить».

7

Грицай Елена Тимофеевна, 62 года, пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Курахово

«Это было 3 марта 2024 года. Мы сидим с дочкой на работе, на магазине, делаем заказ. И тут все на нас падает, сыплется все. Мы ничего не поймем, что, взрыв непонятно где. Это было, где сейчас у нас магазин «Мандарин».

Вот дырка у меня, на лице вот тут шрам. И ногу пробило. Получается, где-то в районе 15-го дома, Лермонтова, где-то там, произошел обстрел. Меня ранило, мне плохо, меня выводит дочка на улицу. Вы понимаете, блин, еще люди в себя не пришли и тут уже корреспонденты. Пресса, написано по ихнему – «пресса». Я бегом тикаю, говорю, не надо мне ваша пресса, мне без вас тошно. Ну, в общем, вот откуда они за две минуты появились? Ну, в общем, вот откуда они за две минуты появились? И я бегом, меня мужчина тоже увидел, знакомый, говорит, ой, Лен, ты раненая, давай тебя в скорую помощь.

Отвели меня в скорую, в больнице обработали.

По магазину было, мы работаем, пробегает украинский военный, ну, вот эти ТЦКшники: «Девочки, спрячьтесь, пожалуйста». Ну, где мы прятались? Мы в туалет ходили. Он говорит: «Спрячьтесь, пожалуйста, будет обстрел». Мы с девчатами заходим в этот туалет.

Знал уже естественно. Предупредил, чтобы мы спрятались. Только увидели наши – мэр вышел, сел в машину. Все, девочки, пресса, можно выходить. Уже все, уже обстрела нет.

Как только ГРЭС давала тепло, только увидели трубы дымят, и обязательно обстрел. Обязательно. И наш мэр матом уже на людей: «Выезжайте. Что вы сидите?». Людей куча сейчас стоит людей, он матом говорит, какого вы сидите здесь? Быстро эвакуируйтесь, уезжайте. Ну, вот. Ну, что я могу еще сказать?

Как пресса в городе, значит ждем обстрел. Возле нас, мы работали в магазине, а внизу горсовет сидел. Как только пресса ждет, ждите обстрела. Не сейчас, так завтра с утра. Всё ясно всем жителям было, всё это понятно.

Мы говорили сразу, что я никуда не поеду. Никуда. Мы детей, внуков прятали. Дочка заранее написала, что мы выехали в Днепр. Дети учились хорошо, хотя бы по онлайн-обучению. И учителя задалбывали, вы почему не выходите на связь? Мы знали, что интернет скоро закончится. И дочка написала, мы в Днестре.

Тут у нас приехали, забрали детей целенаправленно. И полиция была, и военные. В городе много детей было. У одноклассницы дочки тоже. Вот у нас мальчик, девочка и там мальчик, девочка. И вот возраст там дети практически одинаковый. И они жили возле клуба, возле ДК. В квартире все время были и прятались. Им некуда в подвал было идти. Малосемейки. Бывало, сдавали люди, кто с детьми был.

Украинские военные всегда что-то с собой тянут. Из квартир везли все. А когда мы были с соседом, нам гранату они кинули. Это и по чатам, и везде по сайтам пошло, что мы уже погибли».

8

**Грицай Виктор Николаевич, 64 года,
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Курахово**

«Украинцы с дронов лупили. С 22-го года в город ложили. Похоже с миномета. Выхода такие, и свистит, и сразу бьет. Дураку понятно.

Так вот, сидим на магазине, да? Начался обстрел. По городу лупят. Мы зашли, запрятались между стен. Звонят, все, пресса приехала, можно выходить. В таком плане. Для картинки видно лупили, потом снимали все это дело, повреждения.

А еще украинский снайпер парня вот этого, Марка, убил – пуля на вылет. По женщине в ногу попало и с дрона украинского скинули. Возле нашего дома приехали, только выгружали или буржуйку привезла себе женщина. И тут сразу украинский дрон, гух, есть, попал. Сбросом. По мирным они стреляли потому, что сволота конченная.

Меня украинские военные схватили. Искали, выпить хотели, наверное. Искали, где взять. Сказали: «Сейчас отвезем на элеватор, за ноги подвесим, все скажешь». Ну, как бы по ребрам не надавали, вроде как обошлось.

Заходят к нам, все синие, в наколках, чубатые, короче, в таком плане. Заходит один и говорит: «Будем уходить, камень на камне не оставим». Прямо прямым текстом. Никакого смущения. И гранаты людям бросали в отдушник. Женщине прямо в квартиру туда кинули. Понимали же, что мирные живут. Это по микрорайону Южный, седьмой дом.

А когда русские войска заходили, открываю утром с подвала, стоит украинский военный. Ну, с оружием, полная экипировка, все как положено. Гранаты, автомат, рожки. И говорит: «Спрячьте меня, спасите меня это, я пять дней ничего не ел». Ногой под задницу украинцы сами ему дали. Их там группами выкидывали по пять человек. Говорит: «Ты выйди, наших поискай. Ну, поищи наших. Украинцев. И скажи, что я тут, там туда-сюда». Я ему говорю:

«Здрасьте, ты сидишь тут полностью в бронике, туда-сюда, а я тебе пойду искать ваших». Дали ему банку тушенки, кусок хлеба, говорю: «Иди, там ваши». Как раз влупили напротив дома. А он мне говорит: «Какие ваши?». Короче, еле, вытурили, он хотел переодеться.

Через сутки ночью шкребётся. Снова он. Говорит: «Я русских люблю, Ивановых, Петровых, я там в Одессе, я сам с Одессы» в таком плане. А я ему говорю: «Не-не-не, не надо, иди отсюда». Еле-еле вытворили».

9 Андреевская Наталья Николаевна, 69 лет, пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Курахово

«В конце декабря 2024 года мы с соседкой решили посмотреть, жива ли наша подруга, у неё сгорела квартира. И мы пошли посмотреть по светлому дню, и ничего не предвещало беды как бы. И на Южном, мы шли от 10-го дома, а украинские военные с 7-го дома стреляли. Мы дошли до конца пятого дома, и там как раз открывался с седьмого дома вид на нас. Мы приостановились, и тут началась стрельба с автомата. Мы без никого, мы шли вдвоем. Подруга моя из первого же дома, как и я, по Южному микрорайону.

Им можно просто было по верху пострелять, и мы бы уже испугались. Ну, две тетki, что ж. А они начали по ногам. Подруга побежала под дом, и там эти осколки начали летать по ней и ногу ей пулей ранило. Вниз там, ну как-то мясо ей разрезали, а пуля вылетела. Холодно ж было, и она вот уже

плюнула и сначала тоже идти начала. И мы вот тут быстренько, кровь бежит, быстро. Тут у нас медсестра в этом жила, в подвале, мы к ней.

А украинский снайпер у нас убил мальчика Марка. 30 лет было мальчику. Ждал Россию. Мы говорили: «Марк, поберегись, поберегись, рано выбегать». Жалко мальчика. А другого мужчину ранили, там ногу ему разбило. Тоже, наверное, где-то в тот день, как и нас в конце декабря 24-го. По нему украинцы стреляли почти где и по на возле пятого дома, российских войск там не было ещё нигде».

10 Гаевой Анатолий Васильевич, 75 лет, пострадавший от преступлений ВСУ в г. Курахово

«От украинских военных одни страдания, честное слово. Ну, как вам объяснить? Ну, обращались с нами как со зверем, как с животными. Супругу мою ранили. Ну, был сброс с украинского дрона. Там у него снаряды, я не знаю какие. И, короче, она вся в крови. Я ее повел в хату, положил, был ранен живот. Дырочка такая. А нога вправо вся посечена была от паха и сюда, до коленки. Ну, как вам объяснить? Ну, я потом выскочил. Говорю, Оля, то соседка как-то? Может, она жива еще? Жена говорит, сходи к ней, сходи. Я пошел, а она уже отходила. Холодно ей было. Ну, смерти искала, наверное».

11

Иванов Игорь Валентинович,
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Курахово

«В принципе, люди готовились уже для того, чтобы выжить осень, зиму и весну. И сделали эту колонку с водой. Но украинские солдаты колонку качественно обстреливали. Прилеты были и возле дома, и вот по дороге. Ну, были ранения у людей.

Здесь работали украинские беспилотники, контролировали полностью вот эту улицу, эту колонку, подход к ней. Такую же колонку на нижней улице уничтожил украинский миномет.

По нашей колонке не менее пяти прилетов было четких. Пострадали местные жители. Ни один солдат ВСУ не пострадал. Только коренные жители страдали. Ну, осколочные ранения, как правило, от миномета и дроновые сбросы были.

Украинцы били чтобы искоренить русский народ. Потому что прекрасно понимают, что в этих городах, таких как Курахово, Красноармейск, Димитрово, Доброполе, здесь живут только русские люди. Украинским военным это прекрасно понятно, кто здесь живет. Поэтому ненависть шла с самого начала».

12

Коростылев Иван Владимирович,
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Курахово

«2 декабря 2024 мы еще бегали заряжаться в ЖКО, телефоны заряжать, там еще связь какую-то ловили с родственниками. Уже украинские дроны летали, особо мы не ходили, а бегали, скажем так. Выглядываю из подъезда и вижу, а я живу во втором подъезде, и вижу седьмой подъезд, и там идет сосед. Оставалось в доме 10 человек, а он как-то себя неуверенно падает на ногу, на бордюр присаживается. Обычно он энергичный, ну а тут такой, вижу, что что-то слабый.

Мы с супругой были. Я ей говорю: «Побежали, что-то Вове плохо». Подбегаем к нему, на лавочку его садим, кровь. Он что-то стонет. Я сразу понимаю, что раз кровь, то ранение... А на следующем доме в подвале медсестра живет. Мы знаем, она раньше тоже ходила там, женщин перевязывала. Я побежал за медсестрой. Бегу, кричу, говорю, ранен, давайте перевязку.

Ему попали в грудь близко от сердца, и выход под левой рукой чуть-чуть к спине. У него легкое задето было. Мы расспрашиваем его, что случилось, как. Он рассказывает, что шел с ЖКО, то есть, это по Лермонтова вверх. 2 декабря в 10 утра, улица Лермонтова, дом 11. Нагнулся за щепкой. Ну, по дороге собирают щепки. Ну, буржуйку топим. Нагнулся и тут все. Только украинцы, естественно, могли стрелять. Русские войска мы увидели только через три дня.

Мы его выходили, медсестра прибежала, сделали перевязки, дали антибиотики. Мы его перенесли в его квартиру, положили возле буржуйки.

Мы как-то бежим до медсестры Лены. На другой раз мы ее зовем перевязку сделать. А ее муж не пускает. Говорит, потому что дочь Алину ранили. Ей 25-28 лет. И ее муж не пускает. Говорит, ты что, там стреляют.

Получилось, они шли с мужем. По Чапаева. Муж чуть-чуть в сторонке за домом зашел. И, видать, я так понимаю, стреляли одиночными. И они бегом-бегом.

А в соседнем доме молодой парень. Его отца убили. Мы в 13-м, а он в 15-м доме. Они перешли в подвал по улице Лермонтова, 15, и там убили отца. Перешли в подвал. Но люди же как бы все равно дрова должны пилить, выйти. И он вышел, а его украинцы дроном ударили. И его там же похоронили.

В основном погибшие из-за дронов. Я их избегал. Если с подъезда с козырька слушаешь, рычит, все, не идешь никуда. Единственное, надо было пробежать, чтобы уколы сделать, печку растопить.

Опять же, в 15-м доме, но это еще раньше. Женщины не успели в подъезд зайти, замешкалась с ключами, и дрон кинул гранату. Им в спину ранения.

И эти же медсестры, там, Зина и Елена, перевязки делали. Но это еще был конец октября 24-го года. Опять же это Лермонтова, 15. Квартиры там.

Российских войск еще не было. В дом прилетало 3 марта 2024 года. Лермонтова, 13.

А супруга недалеко работает в «Колбас-маркет». Она через 5 минут бежит посмотреть, что там репортеры снимают.

Люди рассказывают, что они за углом стояли, ждали этого взрыва. Украинские, по-моему. Ну, трудно сказать, может кто-то и западный.

Наверное, в основном, так же было. Если ты через три минуты приехал, откуда бы ты знал, что больше не прилетит? Это мы бежим, что дом нам надо посмотреть. А ты же пришел и снимаешь. Значит, ты знал, что больше не прилетит. Что именно сюда прилетит».

13 Лечная Вера Гурьевна, 70 лет, пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Курахово

«Мои дети жили в селе Дальнем.

4 января пришел мужчина и сообщил мне, что мне ждать помощи не от кого. Я говорю, что случилось? А он говорит, детей ваших убили.

Они приехали, дверь открыли, а дети на полу были расстреляны.

Во дворе собаки бегали, никого не подпускали. И так мне сказали, что в селе никого не осталось. Там страшно, что творилось. Парень подходил, рассказал, что украинцы ехали и с танков эти падлы всех расстреляли.

Дочь так ждала русских, мы с ней даже флаг пошили в 2020 году.

Скажи, мамка, я выйду первая встречать. Встретила. Я теперь даже не знаю, как на могилку попасть».

14

**Колесник Виталий Викторович,
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Курахово**

«Люди ночью хотели в безопасное место перебежать, в село Красное. Они рассказывали, что их порасстреливали, дронами поразбивали, то есть людей уничтожили. Они в сторону Донецка, то есть к российским войскам шли. Искали безопасность, бежали туда, бежали к русским войскам. Получается, эти враги нацистские – украинские военные обстреливали их, не давали им добежать.

Как-то люди искали воду. Тут у нас Ворсовская база, там раньше был склад с водой. То есть, ну как их, паки, паки литров по 19, наверное, по 10. И осталась там вода, и люди искали воду и шли туда. И их украинские дроны атаковали. Много гражданских трупов лежало прямо на дороге. Даже фамилию знаю одного паренька – Терехов, который пострадал. Дрон его атаковал и повредило ему ноги. Он начал ползти. Никого

вокруг не было. Потом катился рядом с трассой, по обочине с ранеными ногами, перекатался. Потом где-то дополз до дома. И кричал о помощи. Люди, видать, его услышали и вытащили. А мать его ждала. Ее Валентина зовут, Царство ей Небесное. Пошла его искать, и тоже дрон ее атаковал. Люди как-то их поперетаскивали в подвал. Ну, мать не спасли. Мать умерла. Терехова Валентина.

Почему по мирным бьют? На мой взгляд, в 2014 году был референдум, люди изъявили свою волю, свои желания, то есть своего рода антимайдан был. То есть не согласны были с госпереворотом, поэтому люди выявили свою точку воли, проголосовав на референдуме. Нам даже свободного помещения не дали. Люди сами нашли место, это в училище 129 СПТУ. И там около 6 тысяч человек гражданских принимало участие в голосовании против госпереворота. Получается, что те, кто здесь остались, кто в своих домах пооставались, они тоже против».

15

**Священник Храма иконы Державной богоматери
Иоанн Карпенко,
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Курахово**

«Мой отец – отец Петр, настоятель Храма иконы Державной богоматери. Его на допросы вызывали в СБУ. Приезжали, не один раз приезжали. А украинские военные ролики снимали, вот, Московская церковь, свои по своим не бьют. Что русские не бьют по русской церкви.

Сейчас купола побитые с западной стороны, т.е. украинцы обстреливали церковь. В один, в другой, там вроде или дрон, или миномет попал. Вы видели, я думаю, отверстие в стене. Говорят, танк бил.

Автомобиль сгорел полностью – один из тех, на который в храмы ездят люди. Сбросы с дронов были. По-моему, шесть сбросов было, хотели спалить эту машину. Там один в крыше, один там, один там, один там.

В конце ноября сбросом ранило отца и еще одного парня, которые вместе на велосипеде ехали, причащали уже умирающую женщину. Отцу две ноги повредило и две руки повредило. Прямо возле храма, на улице, на дороге их ранило. И в этот день ранило еще, по-моему, двоих или троих людей. Из-за того, что дроны кружились, мы вообще боялись выходить. То есть, если мы переходили из здания, где люди были в храме, мы перебежками бегали. Потому что настолько очень много дронов было. А с украинских дронов сбрасывали, там три могилы есть возле храма. Видно же, что мирные люди. Российских войск еще не было. К нам российские войска зашли где-то в начале декабря.

Еще убили. Мы как раз были на службе. Ребята видели, что люди шли по улице просто с велосипедом. Два сброса, и все.

Сбросы там были, там были, там ранило, там убило, убило, убило, убило. Я даже не знаю, сколько людей уже...

Украинские военные нас всех ждунами обзывали. То есть мы Россию ждем, а мы-то всего-навсего живем у себя дома, жили у себя дома и хотим жить у себя дома, а не куда-то выезжать.

По нам очень часто, очень много прилетало. С 22-го года начинаются украинские обстрелы. Там еще нигде России не было, даже еще Марьинка была украинская».

16

Мезенцев Виктор Викторович, пострадавший от преступлений ВСУ в г. Курахово

«Мы сейчас в Курахово, на улице Энгельса по-старому. По-украинскому переименовали в Державную. Сын соседей Сергей мне рассказал, как его отец Леонид поднялся на чердак, и сбросили с украинского дрона бомбу или гранату. Его ранило, и в скором времени он скончался.

Отец ему говорит: «Сережа, помоги мне спуститься, меня зацепило». Сын поднялся наверх, это он так рассказывает, поднялся наверх, взял его и пошли-пошли вниз, и он прямо на ступеньках и обмяк, и все, и скончался.

Жена Леонида лежала, неходящая она была, инсульт, и он за ней ухаживал. Она от этого пережитого всего скончалась через неделю. А сын тоже в скором времени, тоже сбросили на него с дрона здесь по соседству.

Леонида родственники свата перенесли отсюда. Всю семью во дворе похоронили, всех троих – семья Матюхиных.

Русских войск еще не было. Хозяйничала украинская армия. Вон по домам все, ни одного живого дома нет. По нам украинцы бросали, и ни одного стекла нет в окнах. Все повывивало, и крышу уже не раз делали. Шифер полопался, и все. И пока уже украинцы не ушли, это все продолжалось. Ну, слава Богу, мы живые остались».

17 Пугач Любовь Григорьевна, 71 год,
пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Курахово

«С соседями произошел такой случай. Сын пошел на рынок дровишек посмотреть. Наверное, долго не было. Мать переживает, что за обстановка. Пошла за ним, он сидит раненый. И в это время прилетел дрон и ее тоже ранил. Мужчина прибежал, сказал, что заберите хоть в квартиру ее. Ребята перетянули её в квартиру. Они лежали, тут ребята приходили, и перевязки приносили, и мы обезболивающее давали. У него нога висела вообще перебитая. Они померли у себя в кварт ире. Валентина Васильевна и Сергей Сергеевич.

В селе Георгиевка были ужасные обстрелы. Я сидела до последнего. Сидела до последнего, вдруг слышу, вышла, думаю, посижу немножко на диванчике.

В это время один прилёт ужасный, как небо оборвалось. Думаю, не буду выходить. А второй раз уже что-то жутко стало

страшно. Думаю, пойду в подвал.

Выхожу, а у меня уже всё горит, всё, мигом всё. Дом и кухня, и гаражи, все, что было построено.

Прибежал один мальчик, говорит, давай тушить, а воду начали лить, а оно ещё сильнее горит. Это, говорит, бесполезно, это фосфор. И я уже боялась, потому что уже всё горит, что было в мешках похватила и вызвала такси и уехала в Курахово. Это было 21 августа 2022 года.

Украинцам, у меня такое впечатление, люди не нужны, если живых бьют людей».

18 Панеотова Светлана Анатольевна,
пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Курахово

«У нас регулярно в течение двух лет, я на станции работала с мужем, регулярно в течение двух лет раз в неделю были украинские обстрелы, потом чаще.

А уже последний год на станцию вообще очень часто, нам выдавали бронежилеты и каски, когда мы работали на работе, очень часто стреляли. Потому что мы слышали выход, и свист, и сразу прилетело.

Такие мины были небольшие. Мы слышали просто, мы считали, да, по-моему, четыре, по-моему.

Ну, мы слышали выход, пух, а потом свистит вот так вот резко. И сразу – бабах.

Когда обстреляли улицу Чапаева, приехал мэр. И начал ругаться – что вы тут делаете вообще, вам сказали эвакуироваться, это, говорит, вам еще цветочки. Пугал, что еще

будет хуже, говорит, что вы не выезжаете».

19

Сланчинская Ольга Ивановна, 61 год,
пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Курахово

«Мы сидели в подвалах и ждали Россию. Вечером комендантский час, но мы выходили, сидели возле подъезда, если едет машина, заскакивали в подъезд.

Около нас украинские дрончики в подвалах жили, два подъезда. Вот мы на улице сидим и слышно: пух, пух. Ну, то есть они подрывают двери. Стояли у них по два, по три холодильника, машинки стиральные. На площадке стоят уже наготовленные, то есть они не успели украсть. Мы их боялись, мы с ними старались не общаться. Однажды они подъехали, забирали дрончика, а у нас был человек раненый, голова в крови. Прилёт, угол дома сложился, а он был в квартире. У него возгорание. Украинский вояка вышел с машины. Прежде чем он что-то сделал, он затвор в автомате передернул. А что он будет делать? Говорю, может, стрелять по нам. Но он ни

здассте, ни чего, дрончиков забрал.

С ними ругались, чтобы они не лезли в квартиры. Женщина говорила – дрон в окно ей прилетал. Все сыпалось. Просто вот било ей стекла и видать когда-то взорвался, потому что она, говорит, угол окна вынесла. Наверное, какой-то заряд. Но, говорит, меня тогда дома не было. Я пришла, дырка, говорит. Женщина тоже к ним пришла, говорит, хлопцы, у меня там ваш дрон завис на четвертом этаже. Она говорит, ну и что вы делаете? Пришли, говорит, снизу с автоматом. Хи-хи, развернулись и ушли. Ну вот это то, что было на наших глазах. Мы их отговаривали, чтобы они не лезли на этажи, потому что мы знали, чем это всё закончится – воровством. Если честно, мы их обходили десятой стороной. Мы в контакт с ними не вступали. Ни здассте. А когда вот наши штурмовики пришли, мы им и кушать варим, и хлеб печем, ну ребята же наши. А украинским мы даже сухарик не предложили. Ни мы им, ни они нам».

20

Сланчинский Владимир Иванович, 61 год,
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Курахово

«В декабре, а может, и в ноябре даже, украинский дрон скинул на человека. Там лица практически не осталось уже. Он сам не местный был, у него тут ни родичей, никого. Сан Саныч звали. Жильцы, которые здесь жили, воронку чуть больше раскопали, туда его и похоронили. Дроны летают, но тем не менее, как-то надо было человека похоронить.

Украинцы еще просто вывозили из квартир все. Я сам видел: холодильники и стиральные машины. На машины прямо грузили сзади всё это и вывозили из домов.

А еще в 2014-м моего свата Евгения пытали украинцы за что-то. Ему тоже около шестидесяти. Это после референдума. Многих после этого хватали, после референдума».

21

Филипских Александр Владимирович, 61 год,
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Курахово

«Числа 10 или 11 декабря 24-го был прилет. Ну непонятно, или снаряд, или мина минометная. Ну, у нас там в этом помещении разнеслось, ну хорошо мы были по сторонам, только она немножко тряхнула взрывной волной, а потом мы два дня разбирали, все вот так было переколочено.

С юга, там на юге были украинцы еще, и вот оттуда прилетело. И вот эти вот железные гаражи тоже разнесло все, после того прилеты были.

Два наших товарища с нашего дома пошли зарядить телефоны по улице Нагорной. Назад они возвращались, а в нашем доме сидел украинский вояка. И он их расстрелял с автомата. Хотя ему кричали, да мы ж мирные, мы ж свои, гражданские. А ему по барабану.

По этой дороге где-то метров 20 они лежали. Один вроде как немножко на обочине, а второй прям посреди дороги.

Где-то недели две или три они лежали. Ну, страшно было подходить к ним, потому что кто его знает.

Потом, когда уже наши пришли, потом смогли хотя бы временно похоронить. Они вот возле дома у нас недалеко и были похоронены.

Однажды украинский военный открыл огонь, ему начали кричать, что мы мирные, что мы гражданские здесь. И все равно ему.

Одна женщина говорит, я, говорит, с подругой шла, под 70 или, может, даже за 70 женщины. И украинский военный, хлоп, моей соседке в руку попал. Мы же ему говорим, что ж ты делаешь? Мы же, говорят, женщины старые, мирные.

А он смеется. Или может он обкуренный, или обколотый, кто его знает? А может, как говорится, маньяк, ему нравится убивать. И таких случаев много было.

Дронов тут летало, ой-ой-ой. Из нашего дома, где украинцы стояли, дрончики и запускали. И сбрасывали заряды, соответственно. И мины сбрасывали такие, их сапёры называли лягушка. А мин было, валялось вот тут тоже много. И вот даже вон близко от нас сейчас она лежит, вон даже видно отсюда. Они были установлены вот тут, на вот этой территории, даже возле нашего дома.

Наверное, их штук 8 или 10 было раскидано, видать, чтобы мы не могли выходить, и к нам в случае чего никто не мог подъехать. И противотанковые мины есть».

22

Чотий Александр Дмитриевич,
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Курахово

«20 декабря 24-го года мы жили с соседом в подвальном помещении. Вот там по хозяйственным нуждам нужно было сходить в погреб, спуститься, взять картошечки, может там какой-то закупорочки. Вот зашли за дом и слышим летит дрон с запада. Залетел за дом. Вроде как полетел дальше.

Ну, а погреб находится прям недалеко – 5 метров от дома. Сосед у меня опускается в погреб, а я стою рядом. Буквально секунда. И дрон вернулся обратно и сделал сброс.

Я упал. Двигаться не могу, потому что я так понимаю, что перебит нерв в бедре, в правую ногу и в левую, там в палец, в стопу попало.

У нас был такой Куцувалов Александр Николаевич, 80-го года рождения.

За ним и еще двумя людьми конкретно украинский дрон охотился, скинул, и он тоже получил ранения. Он жил на проспекте Комсомольский, 10, квартира 20.

Украинские войска хотят максимальный урон нанести местным жителям, которые здесь остались.

Они считают, остались здесь ждуны, значит ждут русский мир. Вот, скорее всего, именно поэтому, чтобы максимально навредить местному населению».

23

Ковтун Владимир Николаевич,
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Курахово

«В 2022 году я ехал на легковой машине, работал в такси, вез девочку в Улаглы. Только я выехал с блокпоста, мою машину сбили украинским танком. Но машина живая не осталась, и меня поуродовали.

Я потерял палец, разбили ключицу, шрам у меня. Когда меня увезли в больницу, никто не помог. Полиция приехала, я потерял сознание, приехала Скорая, меня забрали. Танк сбил мою машину уже аж на обочине, на правой.

Там были следы, я показывал им. Но украинская полиция все сделала против меня. Но украинская полиция все сделала против меня, что я сделал диверсию и как бы, что я наехал на танк.

И за это хотели еще дать мне два года тюрьмы. 800 килограмм «Жигули» и 60 тонн танк, ну, какая диверсия может быть? Экипажу танка ничего не было».

В 24-м году, 30 октября, был случай такой. Я был в гараже, был у меня товарищ, сосед Игорь Каменецкий. Мы с ним разговаривали. Гараж закрытый был. Пришел к нам Битнер Андрей. Постучал в ворота, сказал: «Дядь Вова, открой». И открыл. За ним были два украинских военных. Сразу сказали, легай. Всех положили. Спросили, кто хозяин. Сказал, что я. Заставили открыть ворота напрочь. Открыли у меня ворота.

Андрей перед гаражом лежал. Заставили зайти в гараж. Когда меня допрашивали, я показывал документы. Украинский военный расстрелял документы, во-первых, трудовые. У меня два загранпаспорта было. Расстреляли. И прострелили мне два раза руку. Здесь и здесь. Вот одно ранение. А вот оно второе ранение. Первое. Первое это, потом второе это.

Зашли и спросили, что вы не выезжаете. Мне прострелили за это два раза в руку. И все. Потом я начал стекать кровью. Потеря крови была большая. А украинские военные застрелили Андрея Битнера.

А потом, в СБУ мне показали фотографии, они там между собой, ну, дверь открыта, я пока стоял я слышал разговоры, они сказали, что застрелили не того. Они поехали опять туда, вынесли на моей машине, поехали, вынесли это тело.

Игорь Каменецкий говорит, когда Андрей там с ними разговаривал, украинские военные сказали, я бачу тебя двухсотым, вставай и иди. И он говорит, только встал, слышал, он стрельнул, бах, слышал, Андрей упал. А Игорю сказали: «Бежи хоть до Днепра». Сняли с него обувь, заставили разуться и босиком отправили. По их словам, они должны были застрелить Игоря.

В СБУ меня предупредили, сказали, тикай хоть до Днепра, но предупредили, сказали, если ты обратишься, что у тебя огнестрел, скажешь, что ты по краю города искал, собаку, и что тебя русские подстрелили. Битнеру должно было быть 31 числа 49 лет. День рождения должно было быть. Но не случилось этого. Они его застрелили».

24

Каменецкий Игорь Александрович, пострадавший от преступлений ВСУ в г. Курахово

«30 октября 2024 года у отца был день рождения, поздравил, пошел передать соседу привет, были с ним, находились в гараже. Мичурина, 85.

Зашли двое украинских военных, с ними был Андрей Битнер, 1976 года рождения. Нас положили на пол, мне удар по голове сверху ногой. Когда зашли в гараж, сказали: «Почему не эвакуировались, вы ждуны». В общем, в основном ждуны, ждуны, ждуны.

Сказали лицом вниз. Я лицом вниз, и меня сверху бутсы в затылок. Вове в руку выстрелили. Один из них спросил за машину, рабочая или не рабочая, в каком состоянии, есть бензин или нет бензина. Сели и уехали. Второй остался с нами. Украинские военнослужащие нас посадили в яму, спиной к спине, заставило снять верхнюю одежду, разули.

Один военный дальше начал, что вы тут делаете, а переведите с украинского на русский, с русского на украинский, вы украинский знаете?

Гимн заставляли петь. Один сказал мне отойти к воротам, прижать голову, руки наверху, и прозвучал выстрел. Я видел, как Андрей склонился на бок. Зашел еще один военный ВСУ. Говорит, я за тобой. Меня опять положили лицом на землю. Опять вопросы, что тут делаешь, что жду.

И был еще вопрос второго первому украинскому военному, что пришел, говорит, а того за что убил? А он говорит, не хотел двоих охранять.

А потом другой мне сказал: «Вставай и беги». Я говорю, куда? Да в Днепропетровск. В общем, я до поворота добежал, завернул за поворот к соседу. Попросил обуться, одеться, накинуть что-нибудь».

25

Довгоброд Денис Анатольевич,
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Курахово

«ВСУ говорили, что приехали нас убивать. Они прямо говорили, что мы приехали вас убивать. Мы у них даже спрашивали, а за что?»

Просто, потому что мы по-русски разговариваем. Отлавливали молодежь, на улице избивали, пятки отбивали, почки. Боялись, что мы пойдем против них воевать.

Это был 2014-2015 год. Тогда у нас были украинские Днепр-1, Киев-1, Азов, Айдар. По городу люди с работы шли, просто с ГРЭСа, тоже их останавливали и мордой в пол.

Если кто-то начинал что-то возмущаться, его забирали, вывозили. В основном всех вывозили за кладбище.

Там избивали, бросали и все. А назад уже дойдешь или доползешь, как у кого же получится.

Даже вот у меня друг с дочкой шел дочку с садика забирал, шел с дочкой, зашли в магазин. Машина, вылезли трое, под руки его, он говорит, я с дочкой. А они: «Она уже взрослая, сама дойдет до дома». Ей пять, шесть, наверное, было, она в садик ещё ходила. У него пакет выпал, ну, с едой.

А его в машину вкинули и увезли. Ну его избили, часа через три он домой еле живой дополз. То есть просто избивали ни за что».

26

Фурсова Любовь Степановна,
пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Курахово

«Рядом с нами больничный городок, а в нашем доме магазин. Я один раз зашла в магазин, и стоит украинский военный. В это время началась бомбежка.

А я еще говорю, Господи Боже, дай нам мира и спокойствия. А он по-украински говорит, вы просите миру? Я говорю, да, конечно.

А украинский военный: «Я с Киева, я приехал вас убивать». Я говорю, Господи, кого убивать? А он: «Вас, усих». Всех. Я говорю, за что?

А потом еще один был такой случай. Тоже в магазине. С украинским военным разговаривали за храм. Я говорю, а вы видели, какой у нас храм красивый? А он говорит, а он украинский? Я говорю, нет, он русский. Он говорит: «А, тогда его надо взорвать». И нецензурными словами. Я говорю, за что храм взрывать? Так нужно. Ну и все.

Я развернулась и ушла, чтобы не обострять ситуацию.

В нашем доме очень много жило солдат украинских. Проходят и так сквозь зубы: ждуны, ждуны, сидят и ждут. Вы дождетесь, вы дождетесь».

Лазько
Татьяна Ивановна

Богданова
Любовь Александровна

Черныш
Светлана Ивановна

27 **Лазько Татьяна Ивановна,** **пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Курахово**

«Пять домов подряд загорелось. Был украинский обстрел этих домов. Мы немножко уже знаем, что куда летит и откуда.

Одного человека откопали из-под завалов. Родственники забрали, где-то тоже в городе. Я когда на следующий день я пошла, там квартира сестры, пошла туда, а эти ВСУшники кричат: «Через 10 дней все дома такие будут, все дома будут гореть». Это было в ноябре 2024.

Сожгли, я думаю, это была показуха тем, кто остался здесь. Типа наглядный пример, урок для тех, кто в городе остался. Со стороны Украины».

28 **Богданова Любовь Александровна, 74 года,** **пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Курахово**

«Вот колонка для воды у нас здесь по Мечникова. Воду мы там набираем. Техническую. Для нужд: посуду помыть, постирать. И вот как раз возле этих колонок украинские дроны сбрасывали. Были раненые».

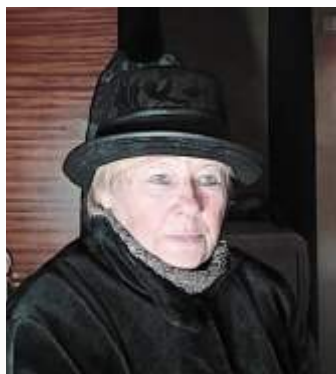
29 **Черныш Светлана Ивановна,** **пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Курахово**

«У нас украинские военные жили в доме и в подъезде в нашем. У одного был позывной «Малибу». Он видел, слышал, что я по-русски разговаривала и меня ненавидел. Он прямо мне говорил: «Чтоб вы повыздыхали». Ну, и такие нехорошие, нецензурные слова. И плевал в мою сторону.

ВСУ выносили телевизоры и даже столы у людей в нашем доме».

Шаповалова
Елена Викторовна

Тимченко
Ольга Дмитриевна

Чумак
Игорь Григорьевич

Панченко
Ольга Ивановна

30 **Шаповалова Елена Викторовна, 70 лет,** **пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Курахово**

У нас в подъезде по Маяковского, 10 украинские военные две квартиры вывезли полностью – украли все. На микроавтобусах вывозили. Все выносили, квартиру полную. Полностью, вплоть до ковриков и веников. Заходили в туалет, вынесли вплоть до унитаза. И такое было. В ванной тоже все, вплоть до душевых кабинок».

31 **Тимченко Ольга Дмитриевна, 73 года,** **пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Курахово**

«Однажды, когда тут были украинские войска зашла в подъезд и начала плакать женщина. Она там кошку кормила. И, короче, она пришла и говорит, так и так, убили украинцы мужа Гену. Ему 60 с чем-то лет было. Она сказала, что он хотел купить сигареты или попросить что-то такое у них. И зашел в третий подъезд, и автоматная очередь. Я видела его шапочку. Валялась возле третьего подъезда, ну, возле лавочки».

32 **Чумак Игорь Григорьевич,** **пострадавший от преступлений ВСУ в г. Курахово**

«В ноябре месяце сосед, зовут его Гена, пошел за сигаретой, у военнослужащих украинской армии стрельнуть. Ну, его расстреляли там. Восемь выстрелов было. Да, это жена сказала, что в 8 выстрелов его расстреляли. Прибежала к нам и сообщила, что Гену убили. И получается, они его где-то спрятали, труп-то до сих пор не нашли, и шапкой закрыли дверь».

33 **Панченко Ольга Ивановна, 61 год,** **пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Курахово**

«Украинские военные возили холодильники, печки, там ... такое из бытовой техники. На своих машинах, которые маленькие такие, не знаю, как они, фургончики. Обходили по подъездам, собирали всё, что можно».

34 Мачула Александр Анатольевич (68 лет) и
Мачула Елена Владимировна (68 лет),
пострадавшие от преступлений ВСУ в г. Курахово

«На первом этаже нашего дома жил инвалид третьей группы, Самохвал Николай Иванович, 57 лет. Пришла группа поддержки ВСУ и убили его 23 декабря где-то с 11 до 12 ночи. Которые видели тело говорят, что там была гематома в задней части черепа. Я так понимаю, что это был удар прикладом автомата.

Убил кто-то из четырех украинских военных. Четыре украинских военных пришли поддерживать тех, которые были в кооперативном доме и в Доме культуры. Из них самый жестокий, самый упертый был с позывным «Дэн», Дима. Я их не пускал в

подъезд, только зашли, он сразу на меня наставил автомат и сказал: «Если ты ещё, старый, мне раз сделаешь так, что я не пройду, я тебя застрелю». Пугали нас, что как придут русские, они вас всех вырежут. Они, говорит, собак жрут и котов жрут, а вы им не люди. Они воровали имущество. Шкаф при нас открывает в квартире напротив, двухкомнатной. Украинский военный, 20-ти лет. Он мне сказал, значит, я не мог дожидаться, пока мне будет 18 лет, чтобы подписать контракт с украинской армией. Воевать хотел. Он вырвал, там замок мощнейший стоял, он вырвал этот замок, начал лазить, ящики вскрывает. Вот попалось что-то там, он в карман себе, еще что-то ценное в карман. Вещи еще как перетрушивали. Мы в своем подъезде все это наблюдали. Видели, как вскрывались двери, без всяких этих самых зазрений, фомками. На втором этаже, значит, они с автомата 5,45 влупили сколько раз. Дверь взламывали. Они пришли 19 декабря 2024, где-то примерно в районе 12 часов дня и нас закрыли снаружи на ключ. Прикрывались нами как щитом. Это я утверждаю. Я им сказал: «Что же вы творите, ребята? Так же нельзя». Они под нами выломали дверь у нашего соседа Шанина. Там был снайпер на первом этаже под нами, и гранатометчик был, вот этот «Дэн». Нас никуда не выпускали. Мы даже за водой не могли сходить, у нас же воды не было даже смывать в туалете.

Мы раньше ходили на скважину под домом 2В. А украинцы нас закрыли. Мы готовили пищу на улице, и когда я кипяток занёс, украинец снаружи взял и закрыл нас нашими же ключами. Трое суток вообще не выпускали нас абсолютно никуда. Они выходили 23 декабря, я услышал, что ключ щелкнул, ну, замок. Только тогда мы смогли выйти в подъезд. Дроны украинцы очень много применяли. Только по нам лично два раза били.

Значит, мы шли с нашего разбитого дома. Ну, там у нас немножко осталось картошки. Несли картошку на улице Мечникова, и украинский дрон по нам, атаковал нас. Но хорошо он зацепился за ветки возле ДК, там дерево, елка. Украинские военные видели, что гражданские. Я шел в этой фуфайке. И жена в такой же фуфайке. Мы с сумками шли, а они запустили дрон по нам.

Бьют по мирным, чтобы мы меньше рассказывали о том, что они творили. Украинские военные считали, что тех, кто остался здесь, это уже сепаратисты, это уже не Украина. Говорили нам: «Вы что, ждете трехколеровых? Трехцветных ждете?». Русскую армию. Они прямо открыто ненависть свою показывали. Говорили нам: «Дождетесь. Вы думаете, что тут будет хорошо?». Я их не пускал же, украинских дрончиков, в подвал. Тут нас было 8 человек. Ну, что, старые женщины. И я один более-менее такой. И Коля этот, калека. Все. А украинский военный мне над головой очередь вперол. Говорит: «Что, не боишься?». Я говорю, что я уже свое отбоялся, когда служил еще срочную. А один сосед так и пропал. У нас сосед пропал со второго этажа, Витя Шуминский. Русских войск ещё и рядом не было, и близко не было, а нас еженощно обстреливали украинцы. Два месяца кряду минометами. Они выезжали со стадиона на пикапе. В кузове миномет стоит, а за ним едет ещё одна машина, видать, с боекомплектom. Украинцы стреляли по городу, по детсадикам. Причем вот этот в 11 часов выехал вечером, и до утра стреляли куда попадет. А однажды в 6 часов вечера уже было темно и 4 миномета начали стрелять. Русских еще даже в Максимильяновке не было.

У украинцев были девиз: то, что не Украина, это руины. И они всю инфраструктуру разрушили, сами украинцы. Мы даже знаем, вот мэр города, и это многие люди могут сказать, заказывал военным украинским, что разбомбить. Заказы делал. По школам били, по детсадикам били и по жилым домам. И торговый центр, почта. В городе оставались пенсионеры, которые получают пенсию на почте. Должны были привезти, увидели, что тут скопление, и бабахнули, ну разбили. Людей они не жаловали своих. Те укрытия, которые были предназначены для людей, были отданы все военным укрaм. Гуманитарную помощь в большинстве случаев переполовинивали, разворовывали, а людям давали простые макароны и муку. За русскоязычных, это вообще. Они нас ненавидели страшно, я не знаю даже как. Хотел у украинского военного зарядить фонарик. Он взял зарядное устройство и сломал. А он сам с Тернополя, ему было 20 лет, звали Богдан. Поломал мне зарядное устройство на фонарик. Они с Тернополя, с Ивано-Франковской области, с Ровенской.

Хохлы убили Геннадия еще. Мы его знали по работе. Ему, он на год старше, чем мы, 68, полных 68. Он видел, что в соседнем подъезде появились украинские военные, а он курильщик был. У нас проблемы с сигаретами. И он говорит, да я сейчас сбегая, я у них попрошу. Хоть сигаретку, я хоть куплю у украинцев. Он постучал в дверь в подвал. Страшное дело. Так затащили и убили. Шапка какая-то осталась от него. Жена на пятом этаже жила, но она и так трупa и не нашла. Я хранил в седьмом подъезде, напильял дров и хранил для печки. Смотрю, возле моих дров появились упаковки из-под таблеток, потом варили что-то на кастрюле, какое-то вонючее такое рыжее. Скорее всего, наркотики. И вот эти таблетки наркотические были. Однозначно. Потом я пошел за дровами, а на первом этаже дверь открыта. Ну, открыты были двери все до пятого этажа. И на первый этаж, направо, квартира, я не помню какая она, там Щека такой, хозяин. И там украинский военный мертвый сидел в кресле. Я посмотрел и вышел. Туда больше я не заходил. Потом, когда пришли русские военные, наши ребята, минеры или саперы, точнее, посмотрели.

Говорят, вы смотрите, на правую сторону не заходите, там, где украинский военный в кресле сидит, он заминирован. И он заминирован не только сам, а взрывное устройство подведено под флягу с водой. Там полфляги с водой с питьевой рядом стоит, смотрите, не дай Бог, не возьмите. Украинцы своего заминировали, тело в кресле».